

УДК 321

Военные аспекты российского нациестроительства в начале XX века

Стругов Михаил Васильевич

Аспирант,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: soph13east@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы нациестроительства в России начала XX столетия через призму военного строительства и опыт вооруженных конфликтов. Анализ российского общественно-исторического развития и военного строительства осуществляется с позиций материалистического понимания истории. Большое внимание уделено историческому обмену между социально-историческими организмами в условиях неравномерного социального и хозяйственного развития человечества. Проведенное исследование доказывает, что вооруженные силы не способны играть самостоятельной роли в процессах нациестроительства и обладают крайне ограниченными возможностями в роли социального интегратора. Независимо от содержания господствовавшего идеологического нарратива, предпринимавшиеся царским, буржуазным и советским правительствами усилия по мотивации солдат не принесли желаемого результата. Опыт показывает, что практика заимствования передовых общественных институтов может вызвать глубокое несоответствие между модернизирующейся надстройкой общества и недостаточным экономическим базисом. В таких условиях именно массовые армии наиболее ярко демонстрируют противоречия и особенности общественного развития, показывают, как материальная жизнь людей определяет их сознание. В ходе исследования на основании российского исторического материала демонстрируется невозможность произвольного конструирования национального самосознания, обосновывается определяющее значение форм общественного производства и производительных сил для формирования нации.

Для цитирования в научных исследованиях

Стругов М.В. Военные аспекты российского нациестроительства в начале XX века // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. Том 7. № 6А. С. 124-137.

Ключевые слова

Нациестроительство, социально-исторический организм, национальная армия, социальная мобилизация, национальная идентичность, национализм, гражданский патриотизм.

Введение

Возникновение классового общества закономерно привело к появлению служащей интересам господствующих классов особой военной организации, которая изменялась на протяжении истории соответственно росту производительных сил и изменениям форм общественного производства. Помимо непосредственной роли как орудия в руках господствующих классов, вооруженные силы демонстрируют состояние общественного и хозяйственного развития своего социально-исторического организма.

Развитие капиталистических отношений привело к возникновению крупной промышленности и массового образования, что знаменовало выход производительных сил на принципиально новый уровень. Промышленная мощь капиталистических государств обеспечила новую армию техникой и сложным оборудованием, а массовое образование предоставило идеологически подготовленный персонал, способный эксплуатировать новые средства войны. Принципиальной новацией призывных армий в условиях капиталистической формации был их общенациональный характер. Они комплектовались не беспринципными наемниками или бесправными рекрутами, офицерами и солдатами новой армии были обладавшие народным суверенитетом граждане буржуазного государства, так идеологическая мотивация приобрела не меньшее значение, чем техническая грамотность. Сам по себе призывной характер новых вооруженных сил требовал от военных принять на себя воспитательные функции, обеспечивать военную и идеологическую подготовку, как до призыва, так и в казармах. Такое положение дел, в конечном итоге, создало у ряда исследователей впечатление, будто бы массовые армии были и остаются эффективным средством строительства современной нации, будто бы массовая армия является одним из средств нациестроительства, а не *продуктом* такового [Кара-Мурза, 2011, 16]. Общим основанием данной точки зрения является представление массовой армии в качестве интегрирующей организации. Массовая призывная армия вырывает индивида из местных локальных коллективов и институтов, а значит, среды его первичной социализации, включая его затем в себя как в будто бы надклассовую специализированную структуру, отвечающую за военную безопасность всего социально-исторического организма. Призывная армия вынуждена осуществлять сложную воспитательную работу, обеспечивать идеологическую и культурную интеграцию контингента своего комплектования. Обладая собственными идеологическими воззрениями и подходом к патриотической лояльности, не говоря уже о тех или иных формах корпоративной солидарности, армия способна быть инструментом идеологического воспитания проходящих через ее казармы широких масс населения. Поэтому представление о роли вооруженных сил как активном участнике нациестроительства может показаться обоснованным.

Однако, исторический материал позволяет оценить реальные возможности вооруженных сил в отношении культурной и политической интеграции населения. Опыт России конца XIX начала XX веков позволяет исследовать особенности трансформации вооруженных сил и выявить их интеграционный потенциал в условиях еще не ставшего буржуазным общества. Особенно важным является то, что Россия к началу XX века только вступила на путь капиталистического развития, что позволяет оценить возможности непосредственно вооруженных сил осуществлять масштабную социальную интеграцию.

Всеобщая армия

Дореформенная Русская Императорская Армия обладала выраженным сословным характером, ее офицерский корпус был отделен от солдатских масс не только иерархией, но и теми же непроницаемыми границами, что в мирной жизни отделяли помещика от крепостного. Комплектование старой армии осуществлялось на основании обладавшей серьезной спецификой российской системы рекрутской повинности. Наборы рекрутов в армию проводились в зависимости от текущих потребностей в людских ресурсах, а служба первоначально имела пожизненный характер, вплоть до достижения непригодности к службе по состоянию здоровья. Рекрутская повинность позволяла оперативно пополнять войска представителями крестьянской общины, обеспечивая так высокую языковую и культурную однородность солдатских масс. В условиях пожизненного или просто очень длительного срока службы рекрутская сословная армия была способна обеспечивать сплоченность своих рядов, корпоративную лояльность и весьма высокую подготовку личного состава.

Однако данная система комплектования была неразрывно связана с крепостничеством и после его отмены в 1861 году должна претерпеть фундаментальные преобразования. Переход на капиталистический путь развития потребовал принципиального реформирования системы комплектования вооруженных сил по образцу армий буржуазных государств, а опыт военного противостояния с такими государствами доходчиво демонстрировал их военное превосходство. Неблагоприятный исход Крымской войны, где Россия столкнулась с коалицией наиболее передовых капиталистических держав, показал самую острую необходимость глубоких преобразований всего российского общества, а в особенности его военной организации. Тесные взаимоотношения в различных сферах с передовыми европейскими державами позволяли России заимствовать наиболее передовые модели и пользоваться преимуществами догоняющего развития. Однако если в передовых капиталистических странах Европы возникновение и развитие армий нового типа было закономерным результатом их общественно-экономического развития, то для России, где капиталистические отношения находились на раннем этапе, решающим фактором была необходимость обеспечения суверенитета и внутривнутриполитической стабильности.

Рассматривая российский социально-исторический организм начала XX века как определенную систему общественного производства, остается констатировать недостаточный уровень его социального и хозяйственного развития, несмотря на значительные темпы роста. Слабая инфраструктура и система коммуникаций не позволяли обеспечить пространственную связность территории, разбивая огромное государство на отдельные и слабо связанные между собой регионы. Несмотря на все усилия властей, восточные территории фактически оставались лишь периферийными землями с неопределенным статусом и чертами колониальной окраины. Подавляющая часть населения страны была занята в основном в сфере примитивного, не механизированного аграрного хозяйства, было малограмотно или неграмотно вовсе, но именно аграрная колонизация оказалась единственным средством освоения обширных пространств за Уралом. В свою очередь сама колонизация была способом борьбы с аграрным перенаселением европейского центра страны. Такая политика представляла собой вынужденную попытку решения современных вызовов совершенно не пригодными для того методами и средствами. Несмотря даже на такие инфраструктурные проекты, как строительство Транссиба, к началу XX столетия Сибирь и Дальний Восток пусть и перестали быть восточным фронтиром, но еще не

стали неотъемлемыми частями России, как в хозяйственном, так и в идеологическом отношении [Ремнев, 2004, 4]. Слабая промышленная база и недостаток квалифицированных кадров не позволяли в должной мере как задействовать в промышленности избыток рабочих рук из села, так и обеспечить механизацию сельского хозяйства и модернизацию российской деревни. Предшествовавший промышленный рост, рост грамотности и развитие инфраструктуры были недостаточными, чтобы ликвидировать отставание в общественно-экономическом развитии по сравнению с другими великими державами. Слабость еще только становящегося российского капитализма не позволяла создать необходимую материальную базу, «буржуазия... небыла еще способна стать ведущим фактором хозяйства, превратить рынок в основу жизни большинства населения» [Ахиезер, 1998, 325].

Масштабные расширения империи и колонизация новых территорий в предшествующий период создавали дополнительные сложности в проведении экономической интеграции и не способствовали формированию четких представлений о границах национальной территории. Это имело последствия не только для народного хозяйства, но и для идеологии и массового сознания. Например, общая обособленность азиатских регионов и низкая социально-экономическая и инфраструктурная связность империи имели своим следствием отсутствие какого бы то ни было интереса к дальневосточному региону, как со стороны гражданского общества, так и, что особенно примечательно, военных кругов [Деникин, 1953, 128]. Экономические и общественные перемены, которые к тому моменту уже завершились в Европе, только набирали силу в России, но в принципиально иных условиях. Именно на таком социальном и материально-техническом фундаменте строилась новая военная сила России.

Всеобщая воинская повинность заменила рекрутские наборы 1874 году в результате военной реформы Д.А. Милютина и распространялась на всех мужчин, несших или действительную службу, или подлежавших призыву в военное время. Здесь необходимо сразу обратить внимание на принципиальную особенность новой всеобщей армии России и ее отличие от призывных армий западных держав. Что рекруты, что призывники были не обладающими правами «вооруженными гражданами» буржуазного государства, а «вооруженными подданными» самодержавной монархии. Изменилась только технология комплектования, национальными вооруженными силами Русская Императорская Армия так и не стала в силу отсутствия буржуазного государства. Принудительная служба осталась принудительной службой, бесправный солдат-крестьянин не изменил принципиально своего положения, а технология комплектования претерпела технические же изменения. При этом нельзя сказать, что изменения носили сугубо организационно-административный характер, Россия действительно получила новую, парадоксально устроенную военную организацию. Сословный фактор по-прежнему сохранился, дворянство продолжало составлять ядро офицерства, крестьяне продолжали составлять солдатские массы. Но теперь профессиональная армия превратилась в массовые вооруженные силы, которые охватывали огромную часть населения империи. Отныне солдаты не отрывались от своих семей более чем на десятилетие, не говоря уже о пожизненной службе, их действительная служба к началу реформы сократилась сначала до 15 лет, а затем до 6 лет, не считая пребывания в запасе. В отличие от рекрутской системы, всеобщий призыв не связывал их с армией на всю или значительный период жизни, а оставался только некоторым этапом таковой. К началу Первой Мировой войны срок службы сократился до 3 лет и к тому моменту армия располагала значительным контингентом запасников, прошедших военную службу и получивших подготовку.

Война и пропаганда

Война с Японией выявила самые серьезные проблемы функционирования новой армии. Каскад военных поражений привел к локальному разложению российской армии на Дальнем Востоке, личный состав как непосредственно участвовавших в боевых действиях частей и соединений, так и прибывавших резервов потерял мотивацию к ведению войны. Генерал К.И. Дружинин, герой русско-японской войны, был вынужден констатировать, что «государственный строй не выдержал своего государственного экзамена – войны», он отметил, что «народная масса коснеет в невежестве» и необходимо «развивать и воспитывать» солдат [Дружинин, 1909, 16]. Кризис русской армии привел к последствиям, во многих аспектах предвосхитивших в локальном масштабе разложение армии в 1917 году. Впоследствии А.И. Деникин вспоминал о «разнузданной, лишенной сдерживающих начал солдатской черни» и признавал, что все явления разложения армии в конце русско-японской войны «с фотографической точностью повторились в 1917 году» [Деникин, 1920, т. 1, 7].

Кампания 1914 – 1915 годов лишила армию большей части кадровых солдат и офицеров, потери в которых восполнялись посредством мобилизации прибывавших в запасе ратников и включения интеллигенции, в массе своей патриотично настроенной, в офицерский корпус. В этот период начинает закладываться фундаментальное несоответствие мотивированного офицерского корпуса все хуже мотивированной мобилизованной крестьянской массе. Уже в декабре 1914 года были зарегистрированы первые братания между русскими и немецкими солдатами Северо-Западного фронта.

Подобные инциденты имели место и в 1915 году, как на участках соприкосновения с австрийскими, так и с немецкими войсками. Реакция Ставки носила негативный характер и военное руководство стремилось воспретить подобные акции. Несмотря на это, в 1916 году масштаб братаний, часто сопрягаемых с пьянством на позициях, только увеличился и охватил десятки воинских частей Северного и Юго-Западного фронтов, став уже массовым явлением, для борьбы с которым командиры использовали полевую артиллерию [Асташев, 2011, 33]. В конце 1916 и начале 1917 годов положение в действующей армии и в тылу синхронно ухудшалось, участились братания, людские резервы заканчивались, дезертирство приобрело характер бегства целых войсковых составов.

Февральская революция и превращение России в буржуазную республику привели к радикальному изменению военной идеологии и замене старого патриотизма идеей защиты завоеваний демократической революции. Надежда на успешное ведение войны и мобилизацию возлагалась на сознательных граждан-солдат, осознанно сражающихся за приобретенные в ходе революции права и свободы. Вместо традиционного патриотизма, династической лояльности и религиозного мистицизма солдаты должны были руководствоваться гражданским сознанием и патриотизмом граждан демократической республики. Предполагалось, что революционный народ, освобожденный от «оков» старого режима, будет высоко мотивирован на ведение войны, особенно после широкомасштабной демократизации всех сфер общественной жизни.

Вопреки ожиданиям подъема гражданского патриотизма, демократизация армии привела к полному разложению солдатских масс, развалу дисциплины и параличу вооруженных сил. Временное правительство рассчитывало на готовность солдат сражаться за полученные ими гражданские права и свободы, в действительности получив права и свободы, солдат-крестьянин стал делать все возможное, чтобы не сражаться.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев описывая масштабы разложения личного состава, был вынужден признать полную невозможность осуществления наступательных операций и выражал сомнения даже в оборонительных способностях войск. Генерал А.Е. Снесарев подтверждал, что солдаты не желали воевать и даже требовали восьмичасового рабочего дня на фронте. Примечательны замечания генерала В.И. Селивачева о настроении личного состава его дивизии, «одна мечта и один разговор у них – скорее домой, никаких высоких идей, никакой любви к родине», патриотическая пропаганда революционной войны за свободу успеха не имела – «зачем мне свобода, если меня убьют?» [Базанов, 2010, 17]. Точно так же аргументировали солдаты свое нежелание воевать по воспоминаниям генерала Ю.Н. Данилова – «на что мне земля, если меня убьют?» [Данилов, 1992, 148]. Написанный под диктовку солдатской массы Приказ №1 привел к тому, что российская армия «перестала служить опорой не только старой царской власти, но и новой, буржуазной», то есть полностью потеряла способность выполнять как карательные функции внутри страны, так и защищать демократическую республику от внешнего врага [Старцев, 1980, 170].

Было бы ошибкой сводить проблему паралича русской армии в 1917 году к деятельности революционеров или политической нестабильности. В действительности, солдатам была доступна как радикальная антивоенная агитация, так и пропаганда имперского патриотизма или революционного оборончества. Пока пропагандисты внушали солдатам идею бессмысленности войны, многие офицеры пытались в личном порядке объяснить солдатам ее причины и цели. Усилиям антивоенного агитатора, убеждавшего солдат в бессмысленности ведения войны, часто противостоял интеллигент в погонах, пытавшийся аргументировано объяснить подчиненным причины и цели войны, но часто оказывавшийся неспособным даже уговорить их пойти в контратаку. В зависимости от менявшейся военной, социально-экономической и политической обстановки солдатские массы могли радикально менять и демонстрировать широкий спектр мнений. Русские крестьяне, составлявшие основу людской силы армии, не были способны на осознанное отношение к войне и не имели сознательной позиции по поводу мобилизации, причин и целей войны. Таким образом, будто бы способный быть инструментом нацистроительства институт всеобщей армии подошел к полному краху и в дальнейшем просто прекратил свое существование. Если Б. Андерсон задавался вопросом о том, «почему народы так привязаны к продуктам своего воображения» и почему мнящие себя их членами готовы умирать ради предполагаемого единства, то среднестатистический солдат-крестьянин Русской Императорской Армии явно отказывался демонстрировать такого рода лояльность и самопожертвование.

Разложение и кризис

Новая всеобщая армия Российского государства обладала одновременно чертами и старой сословной рекрутской армии, и национальной армии буржуазного государства. Будучи продуктом переходящего к передовой форме общественного производства развивающегося общества, она одновременно несла в себе черты дворянской корпоративности, народной архаики и передовой военной теории и организации. Заимствуя передовые институты, Россия оставалась страной архаического, общинного аграрного хозяйства и крестьянство оказалось главным источником комплектования армии, как в абсолютном, так и относительном выражениях [Головин, 1939, т. 1, 87]. До Первой Мировой войны данная проблема не

осознавалась российским высшим политическим руководством и генералитетом, игнорировавшим разрыв между реальными потребностями непосредственно вооруженных сил как устроенного по определенным принципам института и общественно-экономической базой, на которой он основывались. В условиях общественно-экономического развития Российской империи профессиональные вооруженные силы оказались заменены не национальной, то есть гражданской армией, но всеобщим крестьянским войском. Наиболее желательные для армии нового типа категории населения, такие как рабочие и горожане, негативно оценивались с точки зрения благонадежности, даже в отношении комплектования унтер-офицерского состава им предпочитали крестьян. Представители российского высшего политического руководства не осознавали того, что «неразвитость» русского крестьянина не только не является желательным качеством военнослужащего, но и делает его малопригодным в качестве солдата современной армии. Если имперская политика в сфере национально-культурных отношений при всех усилиях обеспечить модернизацию общества несла в себе многие черты династического господства, так и военное руководство подспудно стремилось сохранить сословный характер вооруженных сил [Зайончковский, 1973, 47].

Война с Японией продемонстрировала, что являвшийся основой российской военной силы человеческий ресурс не соответствует требованиям современной военной организации. Данная проблема имела более глубокое основание в виде несоответствия базиса и надстройки российского общества. Модернизовавшееся самодержавие, перенимавшее передовые институты, покоилось на основании малопродуктивного аграрного хозяйства и крестьянской общины. Одним из последствий такого положения дел были трудности в формировании представлений о территории страны. Для крестьянских масс эти территории если и существовали, то не вызывали серьезного интереса по сравнению с тяжелыми проблемами повседневной жизни. Для образованной общественности они не представляли интереса из-за отсутствия крупных городов, центров культурной и политической жизни, по этой же причине они не занимали умы генералитета. Европейская Россия уверено доминировала в общественном сознании и за Уралом империя не имела четких очертаний. Соответственно и эти регионы рассматривались скорее в качестве колонизированных земель, нежели неотчуждаемой национальной территории. В результате отсутствия предпосылок для формирования представлений о национальной территории как совпадающей с границами государства оборонительная война с целью защиты от внешней агрессии, оказалась воспринятой населением в качестве колониальной войны [Свечин, 1928, т. 2, 451].

Высшее политическое руководство вынесло весьма ограниченный опыт из войны 1904-1905 годов, сосредоточившись на узких специальных вопросах организации, управления, логистики, техники и вооружений. Однако даже при полном понимании тех проблем, с которыми оно столкнулось, не имелось материальной и кадровой базы для их решения. Россия не могла в короткие сроки осуществить превращение в индустриальное буржуазное государство и не могла силой государственного принуждения осуществить интеграцию населения в гражданскую нацию, таким образом, не могла и обеспечить военную организацию соответствующим кадровым и материальным фундаментом. Показательно, что российские военные впоследствии использовали для обозначения характера новой армии понятие «вооруженного народа», кальку с наполеоновской «армии-нации». Использование «вооруженного народа» против народных же волнений в ходе революции 1905 года продемонстрировало полное непонимание российским руководством характера национальной армии и отсутствие теоретического осмысления результатов военного строительства. Национальная, всеобщая армия не может быть средством

обеспечения авторитарной власти над восстающей нацией. В свою очередь использование вооруженных крестьян для подавления восстающих крестьян представляет огромный риск. Применение новой призывной армии для борьбы с внутренними угрозами не могло позитивно сказаться на ее качествах и как военной силы, и с точки зрения ее участия в нациестроительстве. Однако такая практика продемонстрировала отношение самодержавия к Русской Императорской Армии именно как военной организации, защищающей интересы исключительно правящего класса. Экономический базис и социальная инерция задавали соответствующее сознание роли новой армии в умах руководителей стремительно модернизирующего государства.

Первая Мировая война продемонстрировала то, как идеология самодержавия с его лозунгами о необходимости победоносного завершения войны вошла в противоречие с осознанным интересом крестьянских масс к переделу земли и возвращению к мирной жизни. Как констатировал А. С. Ахиезер, «выявилось, что в Российской империи не существовало единого российского общества» [Ахиезер, 1998, 328]. Политический и военный коллапс постиг страну, со строго военной точки зрения не находившуюся в критических условиях. Русский фронт не был основным сухопутным театром войны, а силы Центральных держав на востоке были представлены в основном слабыми дивизиями не отличавшейся успехами в хозяйственном и общественном развитии Австро-Венгрии. Периоды активизации германских сил, безусловно, создавала серьезные угрозы, но до 1917 года российские войска были в состоянии удерживать линию фронта. Второстепенность русского фронта в мировой войне и слабость австрийцев компенсировали для России недостаток материально-технической базы, а военные потери были вполне умеренными. Так, потери убитыми и ранеными по отношению к числу мобилизованных у России составили 35,5%, в то время как у Германии и Франции 55% и 47% соответственно [Головин, 1939, т. 1, 151]. Низкая продуктивность сельского хозяйства выдвигала повышенные требования к числу рабочих рук в деревне, что не позволяло в равной с западными державами степени использовать людские ресурсы, более того, мобилизационные резервы России были близки к исчерпанию и в перспективе должны были ограничить возможности ведения войны. В свою очередь, отсталость хозяйственной жизни предопределяла и свойства имевшихся людских резервов. В условиях реальной деревенской жизни русского солдата-крестьянина не было никаких предпосылок для его заинтересованности отвоевании «русских» Карпат или захвате черноморских проливов. Получалось, что насущные интересы русского крестьянства расходились с объективными интересами всего государства в целом. Ослабшая еще до войны традиционная патриотическая идеология, основывавшаяся на религиозной лояльности, династической преданности и абстрактном патриотизме оказалась чужда как солдатским, так и народным массам в условиях постоянных жертв на фронте и лишений в тылу. Крах старой идеологии не был отказом в доверии военно-политическому руководству страны, равно как он не был только лишь результатом разлагающей пропаганды в тылу и на фронте. Русский солдат-крестьянин вполне осмысленно отстаивал свои, и только свои узкие интересы, то есть передел земли и прекращение войны. И революционные идеи социалистов со сложными концепциями социальных перемен, и официальный патриотизм с его апелляциями к верноподданнической лояльности, национальной гордости и интересам государства были крестьянину в равной степени непонятны. Остро осознаваемый узкий сословный интерес русского крестьянства обусловили успех революционной антивоенной пропаганды и крах как традиционной патриотической идеологии, так и революционного оборончества. Лозунги мира без аннексий

и контрибуций оказались формой выражения доминирующих настроений русского солдата-крестьянина – «долой войну, немедленно мир во что бы то ни стало и немедленно отобрать землю у помещика» [Брусилов, 1929, 209].

Советская историческая наука придерживалась позиции, согласно которой солдаты Русской Императорской Армии не были достаточно мотивированы на ведение войны, поскольку война не была отечественной, а носила завоевательный, империалистический характер и соответствовала интересам только господствующих классов, но не народных масс. Опыт строительства и применения Красной Армии демонстрирует иную картину. В ходе Первой Мировой войны из разлагающейся русской армии численностью около 10 миллионов человек дезертировало почти два миллиона [Базанов, 1999, 58], но даже не дезертировавшие солдаты по мере разложения просто прекращали выполнять приказы в массовом порядке. В Красной Армии, чья наибольшая численность в годы Гражданской войны составила 5,5 миллиона человек, численность дезертиров достигла почти 4 миллиона и почти 20% призывников дезертировали непосредственно после приема на военную службу [Кривошеев, 2001, 135]. Уже после Гражданской войны советские военные признавали тяжелейшую ситуацию с массовым дезертирством. В выпущенной Управлением по исследованию и использованию опыта войны работе советского исследователя С. Оликова помимо признания всей тяжести проблемы рассматривались различные меры ее решения, в основном социальную поддержку военнослужащих и их семей, повышение хозяйственного и культурного уровня крестьянского населения [Оликов, 1926, 49].

Таким образом, уровень дезертирства в РККА был в лучшем случае не меньшим, чем в российской армии после Февральской революции, что прямо свидетельствует о слабой мотивации личного состава. Жесткая дисциплина, репрессивные методы и перманентная мобилизация позволяли в значительной степени поддерживать боеспособность Красной Армии, однако полагаться на сознательность народных масс было невозможно. Антивоенная и революционная агитация были понятны обычному солдату еще меньше, чем иезуитские патриотические конструкции, обосновывающие необходимость крестьянину из Поволжья, Сибири или Урала гибнуть за завоевание неизвестных ему географических объектов.

Заключение

Хотя Россия подошла к началу Первой мировой войны, обладая не только массовой печатью, но и формирующимся гражданским обществом и буржуазией, таким образом удовлетворяя требованиям, позволявшим репрезентировать некую идею абстрактного единства, называемого «народом» или, прежде применяемым к аристократии понятием «нация», этого не удалось сделать. Ни массовые коммуникации и печать, ни капиталистические отношения, ни управленческая централизация и массовое политическое участие, ни пропаганда сами по себе не оказались способными сформировать у широких масс представления о некоем «сообществе», за которое стоит рисковать своей жизнью. В соответствии с закономерностями собственного русского общественно-экономического развития «вооруженная нация» оказалась «вооруженным крестьянством», что с учетом нерешенного земельного вопроса и кастового характера офицерского корпуса предопределяло ее неустойчивость в условиях военного времени.

Таким образом, вооруженные силы показали свою неэффективность в качестве инструмента интеграции населения, наоборот, исследованный выше опыт применения

российских вооруженных сил демонстрирует противоположное положение дел. Армия не только не способна обеспечивать интеграцию и участвовать в нациестроительстве, данный институт может только потреблять результаты процессов, приводящих к формированию буржуазного государства и гражданской нации. Как армии не производят пушек и снарядов, они не способны производить грамотных и идеологически воспитанных солдат, обладающих мотивацией и патриотическими убеждениями, равно как и представлениями о гражданском единстве. В свою очередь никакая идеология не способна заменить собой реальной материальной базы и общественно-политического устройства буржуазного государства, в отсутствии которых национальная армия превращается в парадоксальный военный организм, сочетающий в себе передовые технологии и доктрины с архаичной социальной основой. Антивоенная пропаганда смогла найти крепкую почву в солдатских массах, поскольку отражала их интересы и чаяния, не связанные со страной в целом и касающиеся непосредственно самих крестьян. Отсутствие у солдатской массы адекватных представлений о государстве как о действительно существующем социально-историческом организме в условиях внутренней региональной раздробленности неизбежно. Отсутствие интегрированности общественной жизни населения, единого внутреннего социального пространства вполне закономерно создало почву для расхождения интересов солдат-крестьян с интересами Российского государства в целом. Причем вместо хотя бы абстрактного представления о сложном российском обществе и его политической сфере в сознании солдатских и крестьянских масс опосредованно присутствовал лишь государственный аппарат через его бюрократию, помещиков и офицеров. Само государство, как аппарат политического господства занимающих высшие позиции в системе общественного производства классов, было для русского солдата непостижимой абстракцией.

Анализируя впоследствии развитие вооруженных сил и общества, российские военные в своем анализе делали акцент на недостаточном хозяйственном развитии страны и низкой «культурности» населения, то есть рассматривали общественно-экономическое развитие в качестве основополагающего фактора, определяющего состояние вооруженных сил. С точки зрения генерала Н.Н. Головина переменчивый характер русских масс объяснялся низким уровнем образования и политического сознания, которые были следствием недостаточного общественно-экономического состояния, обуславливавшего «сырой» характер российского патриотизма, «русские народные массы были на много низшей ступени социального развития, нежели таковые же западноевропейских народов» [Головин, 1939, т. 2, 125]. Гетерогенное и противоречивое российское общество закономерно породило соответствующую армию, сочетавшую в себе передовую организацию и технику, сословность офицерства и архаичность крестьянских масс. Рассматривая данную проблему, российский социолог А.С. Ахиезер считал, что источником этих противоречий является социокультурный раскол, порожденный промежуточным положением России между «либеральной суперцивилизацией», основанной на интенсивном воспроизводстве, и «традиционной суперцивилизацией», основанной на статическом воспроизводстве. В этих условиях в России сформировалась особая, «промежуточная цивилизация», основной характеристикой которой является наличие внутреннего раскола, в первую очередь в форме разрыва «между ростом потребности общества в благах и отставанием потребности в развитии воспроизводства, соответствующего более сложным эффективным формам труда, необходимым для удовлетворения этих потребностей» [Ахиезер, 1998, 350]. Россия, как промежуточная, или скорее «большая» цивилизация, заимствует у «либеральной суперцивилизации» ее институты и ценности,

пытается внедрять их, что приводит к реакции, углублению раскола и разрушению социальных интеграторов. В свою очередь, Ю.И. Семенов в рамках своей глобально-стадиальной концепции мировой истории дает иное обоснование российским «инверсионным циклам». В Новое Время в Западной Европе располагалась система суперинформационных социально-исторических организмов, составлявших ядро всемирно-исторического развития. Именно в Западной Европе в XVI веке возникли капиталистические производственные отношения, а позже гражданское общество и национальные армии, именно из Западной Европы приходилось другим социально-историческим организмам заимствовать передовые институты в отрыве от породивших их условий и предпосылок [Семенов, 2013].

В таком случае российский опыт не может претендовать на уникальность, такие страны, как Турция, Япония или Китай так же вступили в контакт с суперинформационной системой капиталистических социально-исторических организмов в качестве, как правило, агрополитарных социоров, причем политарные отношения были представлены в разнообразных формах. Все эти страны, как и многие другие, были вынуждены пытаться в ходе супериндукции осуществить суперинформационизацию, тяжелейший процесс которой, несмотря на всех успехи хозяйственного и общественного развития этих стран продолжается и сегодня. Поскольку сама необходимость изменения того, что Ахиезер называет «статическим воспроизводством» на «интенсивное воспроизводство» чрезвычайно быстро осознавалась представителями «традиционной цивилизации» стоило им только столкнуться с пушками, парходами и магазинными винтовками, процессы заимствования и внедрения социальных и технических новаций приобретали милитаризованный характер. Столкновение с развитыми капиталистическими державами заставляли Россию, Турцию, Китай, Японию, Корею и многие другие страны заимствовать передовые достижения суперинформационных социоров и внедрять их в собственных условиях. В частности, и Россия, и Турция показывают одинаковую историческую схему, когда в результате отставания в общественно-экономическом развитии, что обычно демонстрировалось на поле боя, господствующие классы сосредотачивали усилия на заимствовании и укоренении в своих странах тех или иных общественных институтов, заимствованных у стран Западной Европы.

Не институт призывной армии является социальным интегратором, а возникшее на материальной базе крупного капитализма интегрированное общество порождает этот институт. Возникновение социально-исторического организма, имеющего классовую структуру, то есть уже в той или иной степени социально интегрированного настолько, чтобы обеспечивать свое устойчивое воспроизводство, неизбежно ведет к созданию вооруженной организации, отстаивающей интересы господствующих классов. Не армия является социальным интегратором, строго наоборот, социальная интегрированность классового общества является детерминантой могущества военной силы. Соответственно, развитие феодализма и затем капитализма привели к возникновению буржуазного общества и его институтов, вовлекающих в политику широкие массы населения, что привело к складыванию современных буржуазных наций и создало предпосылки для создания вооруженных сил нового типа, всеобщих призывных армий. Всеобщие армии, укомплектованные грамотными солдатами-гражданами, которых производило буржуазное общество, вооруженные новой техникой, которую позволяла иметь крупная капиталистическая промышленность, быстро стали господствовать на поле боя и позволили военной силой обеспечить господство передовых капиталистических держав в Африке и Азии. Столкновение с этой новой военной силой заставило развивающиеся общества пытаться воспроизвести соответствующие

социальные и технологические новации, однако, только ограниченное число инфериорных социоров смогли перейти на капиталистический путь развития.

Определяющим фактором военной мощи государства является степень развития форм производства и достигнутый в их рамках уровень развития производительных сил общества. Заимствование слаборазвитыми в социальном и хозяйственном отношении, зачастую откровенно архаичными обществами, передовых социальных инноваций позволяет оценить их самостоятельное значение. Опыт России начала XX века позволяет констатировать неспособность вооруженных сил современного типа выступать в качестве агента нациестроительства. Заимствование передовых институтов не может компенсировать недостаточного уровня развития производительных сил и архаичной формы общественного производства. Сама постановка вопроса о роли армии в нациестроительстве, как это имеет место в Индии, Пакистане и многих других периферийных странах является признаком глубоких отличий их «строительства наций» от процессов складывания буржуазных наций в передовых капиталистических странах. Милитаризация социальной интеграции в лучшем случае свидетельствует о небуржуазном характере формирования гипотетической политической нации, а в худшем демонстрирует сугубо имитационные практики. Массовая армия не может способствовать складыванию таких исторически устойчивых общностей людей, как нации, иначе, чем своей мощью на поле боя.

Библиография

1. Асташев А.Б. Братания на русском фронте Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2011. №28. С. 29-41.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. I: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 804 с.
3. Базанов С.Н. Антивоенные выступления на русском фронте в 1917 году глазами современников (воспоминания, документы, комментарии). М.: ИРИ РАН, 2010. 364 с.
4. Базанов С.Н. К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество. 1900–1941: Статьи. Документы. М.: ИРИ РАН, 1999. С. 51-76.
5. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: Госиздат, 1929. 249 с.
6. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж, 1939. 211 с.
7. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 2. Париж, 1939. 242 с.
8. Данилов Ю. Н. На пути к крушению. М.: Воениздат, 1992. 273 с.
9. Деникин А.И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, Издательство имени Чехова, 1953. 383 с.
10. Деникин А.И. Очерки русской смуты. Париж, 1920. Том. 1. 421 с.
11. Дружинин К.И. Воспоминания о Русско-японской войне 1904-1905 гг. участника-добровольца. СПб.: Русская скоропечатня, 1909. 504 с.
12. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. М.: Мысль, 1973. 355 с.
13. Кара-Мурза С.Г. Государственная политика нациестроительства в современной России. // Государственная политика нациестроительства в современной России. Материалы научного семинара. Вып. 2 (40). М.: Научный эксперт, 2011. С. 5-29.
14. Кривошеев Г.Ф. Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М.: Олма-Пресс, 2001. 608 с.
15. Оликов С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. Л., 1926. 128 с.
16. Ремнев А.В. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века. // Герасимов И.В. Новая имперская история постсоветского пространства. М.: Центр Исследований Национализма и Империи, 2004. С. 1-20.
17. Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М.: Воениздат, 1928. Т. 2. 619 с.
18. Семенов Ю.И. Философия истории. Общая теория исторического процесса. М.: Академический проект, 2013. 615 с.
19. Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. М.: Наука, 1980. 256 с.

The military aspects of Russian nation-building at the beginning of the XX century

Mikhail V. Strugov

Postgraduate,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: soph13east@gmail.com

Abstract

The historical and philosophical research presented in this article considers the problems of nation-building in Russia at the beginning of the 20th century through the features of military construction and the experience of armed conflicts. The analysis of the Russian socio-historical development is carried out from the standpoint of the materialist conception of history. Much attention is paid by the author to the historical interactions between socio-historical organisms in the context of uneven socioeconomic development of humankind. The study presented in this paper proves that the armed forces are not able to play a substantive role in the nation-building and have limited integration capabilities. Regardless of the ideology and propaganda, any efforts to motivate the soldiers did not achieve the goals. The Russian experience shows how borrowing institutions can lead to an imbalance between the base and the superstructure of society. In such conditions, the mass armies clearly demonstrate the contradictions and specificity of social development, and show how the material life of people determine their consciousness. The study on the basis of Russian historical experience demonstrates the impossibility of arbitrarily constructing a national identity, substantiates the decisive importance of forms of social production and productive forces for the nation-building.

For citation

Strugov M.V. (2018) Voennye aspekty rossiiskogo natsiestroitel'stva v nachale XX veka [The military aspects of Russian nation-building at the beginning of the XX century]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 7 (6A), pp. 124-137.

Keywords

Nation-building, socio-historical organisms, national army, social mobilization, national identity, nationalism, civil patriotism.

References

1. Ahkiezer A.S. (1998) *Rossiya: kritika istoricheskogo opyita (Sotsiokulturnaya dinamika Rossii). Ot proshlogo k buduschemu* [Criticism of historical experience (Sociocultural dynamics of Russia). Moving from Past to the Future]. Novosibirsk: Sibirskiy Khronograf Publ. Vol. 1.
2. Astashev A.B. (2011) Brataniya na russkom fronte Pervoi mirovoi voiny [Fraternization on the Russian front of the First World War]. *Novyi istoricheskii vestnik* [The new historical bulletin], 28, pp. 29-41.
3. Bazanov S.N. (2010) *Antivoennye vystupleniya na russkom fronte v 1917 godu glazami sovremennikov (vospominaniya, dokumenty, kommentarii)* [Anti-war protests on the Russian front in 1917 through the eyes of contemporaries]. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.

4. Bazanov S.N. (1999) K istorii razvala russkoy armii v 1917 godu [To the history of the collapse of the Russian army in 1917]. In: *Armiya i obschestvo. 1900–1941: Stat'i. Dokumenty* [The army and society. 1900–1941: Articles. Documents.]. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences.
5. Brusilov A.A. (1929) *Moi vospominaniya* [My memories]. Moscow: Gosizdat Publ.
6. Danilov Yu. (1992) *Na puti k krusheniyu* [On the way to the collapse]. Moscow: Voenizdat Publ.
7. Denikin A.I. (1953) *Put' russkogo ofitsera* [The Career of a Russian Officer]. New York: Izdatelstvo imeni Chekhova Publ.
8. Denikin A.I. (1920) *Ocherki russkoi smuty* [Essays of Russian distemper]. Paris. Vol. 1.
9. Druzhinin K.I. (1909) *Vospominaniya o Russo-yaponskoi voine 1904-1905 gg. uchastnika-dobrovol'tsa* [Memories of Russo-Japanese War 1904-1905]. St. Petersburg.: Russkaya skoropechatnya Publ.
10. Golovin N.N. (1939) *Voennye usiliya Rossii v mirovoi voine* [Russia's military efforts in the world war]. Paris. Vol 1.
11. Golovin N.N. (1939) *Voennye usiliya Rossii v mirovoi voine* [Russia's military efforts in the world war]. Paris. Vol 2.
12. Kara-Murza S.G. (2011) Gosudarstvennaya politika natsiestroitelstva v sovremennoi Rossii [Government policy of nation-building in modern Russia]. In: *Materialy nauchnogo seminara* [The materials science seminar]. Moscow: Nauchnyy ekspert Publ.
13. Krivosheev G.F. (2001) *Rossiya i SSSR v voynakh 20 veka: statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in the Wars of the Twentieth Century: Losses of the Armed Forces. A Statistical Study]. Moscow: Olma-Press Publ.
14. Olikov S. (1926) *Dezertirstvo v Krasnoi Armii i borba s nim* [Desertion from the ranks in the Red Army and the fight against it]. Leningrad.
15. Remnev A.V. (2004) *Vdvinut' Rossiyu v Sibir'. Imperiya i russkaya kolonizatsiya vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka* [Pushing Russia into Siberia. Empire and Russian colonization of the second half of the XIX – early XX century]. In: *Novaya imperskaya istoriya postsovetskogo prostranstva* [Studies of New Imperial History and Nationalism in the Post-Soviet Space]. Kazan: Tsentr Issledovaniy Natsionalizma i Imperii Publ.
16. Semenov Yu.I. (2013) *Filosofiya istorii. Obshchaya teoriya istoricheskogo protsessa* [The Philosophy of history. General theory of the historical process]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.
17. Startsev V.I. (1980) *Vnutrennyaya politika Vremennogo pravitel'stva pervogo sostava* [Domestic policy of the Provisional Government of the First Composition]. Moscow: Nauka Publ.
18. Svechin A.A. (1928) *Evolyutsiya voennogo iskusstva* [Evolution of Military Art]. Moscow: Voengiz Publ. Vol. 2.
19. Zaionchkovskii P.A. (1973) *Samoderzhavie i russkaya armiya na rubezhe XIX-XX stoletii* [The Autocracy and the Russian Army at the Turn of the 19th to the 20th Centuries]. Moscow: Mysl' Publ.